

Обыкновенная история (рассказ)¹

– Светулеч.

– М-м?

– Вставай, красавица, проснись: я пришел к тебе с приветом!..

– Кончай, Кость. Дай – спать...

– Ты хоть чаек попьешь со мной (обиженно). Я ведь ухожу через 15 минут.

– Иду, иду (зевает). Ты яичницу пожарил, что ли?

– Точно, угадала... Мышка, мышка, по запаху чувствует, где зернышки (пытается заигрывать).

Света, еще не проснувшаяся («не проснутая»), неохотно вылезает в холодное внешнее пространство и, пошатываясь на слабых, как вата, ногах, направляется в сторону ванной комнаты.

– Отстань, Кость. А!-а-а-а. (зевает).

– Ты с утра холодная, как лягушка (идет на кухню и с усердием режет яичницу, пока Света делает что-то такое с головой, чтобы ей самой понравилось, – она всегда так делала по утрам и всегда вхолостую: самой себе она все равно не нравилась. Уж года три как...).

Направляется в сторону кухни. Затылок жующего мужа. Плешь. «Не люблю плешивых мужиков», – вспомнила она вдруг свою давно забытую фразу, сказанную ему же, – но тогда, когда он еще не краснел ею так отвратительно сквозь жидкие волосы.

Молча едят.

¹ Впервые опубликовано: «Отражения»: Сборник творчества молодых литераторов Ульяновской области. Ульяновск, 2006. С. 9-19.

Он: «И почему мы по субботам работаем! Не могу понять: все, кого я знаю, – все отдыхают по субботам. Так хотелось побыть сегодня с тобой, мышка».

(«А последнюю фразу я знала, что он произнесет именно так, почти дословно знала, – беззлобно подумала Света. – А тут еще плешь. Он когда жует, если в это время встать, например, за солью, то видно, как краснота сверху головы передвигается, словно маленькая опухоль»).

«Я наелся! – с большим удовлетворением сообщил Константин и отодвинулся от стола.

«Сейчас поболтает минут десять, потом уйдет», – Света даже взглянула на часы, висевшие над столом, точно ставя эксперимент: уйдет через 10 или позже?

Ушел через 11.

«... Не только я это чувствую, как мне кажется. Так горько осознавать, что чувство уходит, вытекает сквозь пальцы, а ты, вместо того, чтобы спасти драгоценные остатки, растопыриваешь эти пальцы пошире: течь уж так течь!

Писать дневник, кстати, очень даже дурацкое занятие. Писатель! Только не дай Бог, чтобы она его нашла»

«... И неужели он не понимает? Неужели он не видит? Иногда мне кажется, он немножечко глупый, а иногда – множечко. Ведь он – будто механизм, заведенный еще при рождении и постоянно, день за днем, делающий свои нехитрые дела. Завести, что ли, любовника? Но – зачем? Люблю ли я его? Бог знает. И да, и нет. И нет, и да – вот такая ерунда... Только бы он случайно не нашел эти записки».

Сева был сантехник. У-у-у, какой ядреный, как соленый арбуз. Славился на весь микрорайон своими трудами, зубами и ляжками.

Унитазы он действительно ставил первоклассно. Потом белыми редкими зубами открывал бутылку пива (открывашек не признавал и пил исключительно этот пенистый напиток) и затем – отсюда и слава – сидел при хозяевах на свое уже застывшее к этому времени произведение толстыми теплыми ляжками и опробовывал его. Громко, звучно, ядрено – у-у-у, Севка-молодец!

Его как-то действительно любили: грех не полюбить такого русского, доброго, круглого...

Костя как-то вечером вернулся с работы: Сева у них пиво пьет.

(В прихожей) – Кто это, Света? (напряженно).

– Да унитаз сломался, – сантехник.

– Почему же он пиво пьет, а не делом своим непосредственным занимается?

– Да ты чё, Кость, это же Сева – его здесь у нас все как облупленного, – он так всегда, по традиции: сделает – и пиво тут же, – я сама ему и поставила, чтоб не обижался.

– Ну-ну... (Константин же был иногородний совсем, ему не до Севы).

– Он долго еще?

– Да нет, иди хоть поздоровайся с ним.

– Не хочу, - пусть доделывает или там – допивает, я потом приду кушать.

Сева (шумно): «Ну давай, Светулек. Унитаз теперь как часы будет. Чуть что – меня зови, я – шементом».

Ушел. Сели кушать.

(Неожиданно): – По какой причине он тебя «Светульком» зовет?

– Да я его с детства знаю! («ревнует? ревнует! ха! к Севке! Ну, миленький, держись!»), он – одна из моих бывших любвей!

– («А ты – одна из его бывших б..дей!») Одна? Хм... Он что – неподалеку здесь?

– Через два дома.

– А почему я не в курсе?

– Не в курсе – чего?

– Ну, что *он* – через два дома.

– А почему ты должен быть в курсе...

– Потому! Должен! Быть! Сколько раз он к тебе унитазы приходил чинить, пока я на работе?

– Ты – дурак, Костя.

– Спасибо.

– Не за что. Приятного тебе аппетита! (Ушла из кухни. Внутри – торжество, но почему-то сосет под ложечкой).

Практически не разговаривают друг с другом уже дня три. Или четыре? Поначалу Костя был зол ужасно, затем ему стало грустно, потом – скучно.

«И чего я нашел в ней? Обычная баба, каких тысячи, миллионы: бери – не хочу. Что так поторопился? А тут еще детей нет – и все тут. Как встречались – забеременела. Сделали аборт по обоюдному согласию, поскольку нужно было на ноги подняться. Затем – поженились. Год-другой все чего-то ждали, боялись: вот-вот будем крепче материальнее, а там уж заживем, там уж – «настоящая» семья!»

«А все-таки я его люблю! Люблю, люблю, люблю. Такой он хороший: работающий, хотя – учитель труда не самая прибыльная профессия. Но ведь он старался, – на двух работах: в школе и в этом дурацком колледже. И домой еще сколько всего чинить приносят!.. А мебель какую он умеет делать! – ведь почти вся обстановка в нашей квартире – его рук дело...

Мы всегда были среднего достатка. Я по профессии бухгалтер-экономист, но долго искала работу, торговала на рынке, затем – Костя и проклятый этот аборт выбили меня из колеи. Сейчас же и страх какой-то берет идти куда-нибудь, искать подходящее место. Мне кажется, я уж и забыла все, что знала...

Так стыдно за прошедшее: вспомнила, как мы однажды были у Зинаиды Николаевны, его родственницы, на дне рождения, там я увидела великолепный мебельный гарнитур, – так я все уши прожужжала ему, пока он не собрался духом и в две недели не сотворил настоящее чудо – не отличишь от оригинала.

Однако ж я в душе тогда опять была недовольна: мне почему-то хотелось именно *купить* его. И при этом я знала, как ему трудно приходится, – тогда я даже благодарил Бога, что у нас нет ребенка: ведь тогда б мы точно что называется «не потянули». И это – вместо того, чтобы найти подходящую работу, чтобы хоть как-то облегчить его муки.

А то, что мучился, я видела очень отчетливо: страдала прежде всего его гордость.

Работу я так и не нашла, но с деньгами у нас как-то все стабилизировалось: он устроился на мебельную фабрику, бросив преподавать, и этой новой его зарплатой вполне хватает сейчас на двоих... А хотелось бы на троих! И в то же время – я боюсь: то мне кажется, что после аборта ничего не выйдет (постоянный страх, что *они* мне *там* что-то нарушили), то представляется, что мы впадем в нищету, если он (или она) появится на свет... Костя же молчит об этом. Ну, и я молчу...».

Был вечер. Константин Николаевич в этот день ушел с фабрики необыкновенно поздно: огромные электронные часы, висевшие над проходной, показывали 22-05. Стоя на остановке, он, усталый, сначала немного злился на то, что трамвайчики, видимо, совсем забыли о своей

работе, но потом вдруг поднял голову вверх, вдохнул вечернюю прохладу полной грудью – и увидел звезды. Звезды... Звезды... Константин с детства любил конец августа за его чарующие ночи, однако в последние годы он будто забыл об этом, отодвинул от себя.

А теперь – вспомнил. И хорошо так стало и протяжно на душе – петь хочется. Уснуть. Но не тем холодным сном могилы, – а так – просто распластаться по звездному гамаку и осторожно покачиваться, думая о вечности и дыша тишиной...

Небо словно приблизилось, обняло, захватило его прозрачной ладонью, и каждое маленькое пульсирующее солнце, открывшееся его чувствам в это мгновение, оказалось неожиданно знакомым, родным.

Идти до дома было всего пять остановок. Слегка взбодренный, как после причастия, он двинулся домой пешком. Несколько раз мимо него пролетали пустые и светлые трамваи-одновагонки, но Костя не замечал их.

Он шел, не чувствуя, не думая, не предугадывая того, что будет. Он не знал и не мог знать этого. Да и в силах ли ума человеческого знать о промысле Божьем? Константин свернул направо, чтобы сократить путь (однако сделал это автоматически, «как механизм», – заметила бы Света), вышел на совершенно темный, неприглядный и незаметный ни ночью, ни днем проулочек и – остановился как вкопанный.

С ним случалось такое и раньше: вот он идет куда-то, стремительно обгоняет прохожих и вдруг – стоп! приехали! полная остановка двигателей.

Это были лучшие моменты его жизни. Он не знал, бывает ли так у других людей, никогда ни с кем об этом не говорил. И не хотел говорить. Но с ним это случалось. Не очень часто, но случалось. Что-то внутри его и вне его неожиданно совпадало, амплитуды колебаний его сердца и сердца космического без остатка накладывались друг на друга, и он испытывал невыразимое счастье и наслаждение.

В буддизме это называли бы сатори, просветление.

Нельзя сказать, что Константин старался его «поймать» или «заслужить», – нет. В том-то и дело, что чем меньше он ждал его, тем острее было ощущение благодати.

Он поднимал голову вверх, безумно счастливый, и улыбался звездам, – сколь отдаленны были сейчас трудности на работе, неудавшаяся преподавательская карьера, семейные проблемы... Все казалось игрушечным, со всем хотелось возиться и играть. Любовь билась в нем, как пульс в груди пробежавшего двадцать пять километров без остановки человека.

Внешне, повторяю, это выражалось совсем непримечательно: человек идет, что называется, «рысью» (Константин Николаевич очень не любил ходить медленно), затем – резкая остановка, словно толчок изнутри. Мотор заглох. 3-5 минут – поехали снова.

Да, с ним бывало подобное раньше. Но в этот вечер появилось и нечто новое.

Все это: и тепло огромной любви, и чувство такого острого молитвенного состояния, которое само заставляет разжиматься губы и рождать благодарность Богу, и та несерьезность ко всему, что в остальное время кажется сутью жизни – все это никогда не воплощалось в зрительный образ. На этот раз было именно так.

Крупная блестящая и тяжелая капля в небе скатилась вниз с ошеломляющей скоростью и мягко зависла над головой Кости, образовав вокруг него своеобразный нимб света диаметром до 4-х метров.

Свет был мягкий, не резал глаза, и поэтому Константин продолжал смотреть на космический корабль, зависший над его головой.

Как только в его голове промелькнула эта мысль, – о космическом корабле, – свежесть и обновляющая мягкость, которую он всегда ощущал в эти моменты просветления, бесследно исчезли, и их место заняло простое любопытство.

«Это инопланетяне?! Здорово!.. Ведь никто не поверит... Я стою, а надо мной – космический корабль инопланетян. Здорово. Ведь никто не поверит!..» – корабль все так же бесшумно висел над Константином.

«Чего они ждут?.. Эх, и устал же я сегодня, – у Кости затекла шея, и он принялся легко ее массировать. – Есть хочу... Светка ждет... Они ждут... Чего ждут?»

Корабль мягко качнулся и совершенно незаметно для глаз поднялся на высоту 50 метров. Затем растворился в темноте.

Он побрел в том же направлении, куда шел до этого.

Оглянувшись несколько раз в сторону проулочка, словно еще хранящего в своей темноте голубоватый свет космического гостя, Константин, больше не останавливаясь, помчался к дому.

Всю дорогу до родного подъезда внутри Кости билась одна поражающая его мысль: «Странно, вот я впервые в жизни воистину встретился с чем-то чудесным, уникальным, должным перевернуть мою жизнь, а я и под космическим светом думал о картошке с курицей, что сейчас, наверное, ждет меня дома. Вместе со Светой». Дома он не сказал ей ни слова о произошедшем. Она пыталась разговорить его, но он был так необычайно молчалив, что это было странно даже для него.

После ужина он сразу лег спать, чем обидел и так не на шутку встревоженную Свету.

Пока он ворочался под одеялом, Света писала в своем дневнике: «Я наконец-то поняла, в чем же несчастье нашей семьи, в чем источник всех моих обвинений в его адрес и т.д. – да в элементарной скуке. Мне скучно с ним, а ему, кажется, со мной. Чего же боле? Скука с любимым человеком – разве это не катастрофа, не парадокс, и разве это любовь? Господи, я задыхаюсь с ним, с этим заурядным...

Прости, Костенька, прости, миленький, – он сейчас так горько застонал во сне, словно чувствуя, какие чудовищные слова я думаю и пишу... Я вас сожгу, проклятые бумажки, не хочу вам больше доверять душу!..»

– Светулек?

– М-м?

– Ты совсем проснулась?

– М-м.

– Свет, ты веришь в инопланетян? Нет-нет, ты подожди: я серьезно, - ведь неужели ты думаешь, что мы одни во *Вселенной*, что наша планета – единственноеместилище жизни и разума?.. («Дурак, что несу, перед кем говорю?.. ведь не поймет же. Да и что было вчера? Остановился, – ударила кровь с мочой в голову – и все. Или – не все?»).

Света пошла в ванную. («Что он – оригинальничает? Пытается что-то изменить? Поздно, наверное, уже менять что-то»).

Она стояла под душем, прохладные струи серебрили ее лицо, и странное чувство покоя, как тонкое покрывало, опустилось на нее откуда-то сверху.

Затем – свет. Све-ет, све-ет, - безумно много света. Свет в Свете, и свет вне ее.

Ее брали, заставляли ложиться, смотрели глаза, уши, язык, зубы, нос, влагалище... Опускали, поднимали, обрили наголо, дождались, когда волосы вырастут вновь, плохо кормили, хорошо кормили, не кормили. С ней пытались подружиться, разозлить, заставить смеяться, вызывали у нее сексуальное возбуждение, вскрывали несколько раз черепную коробку, – и долго, долго мыли ее под душем, – до тех пор, пока она не закричала и не позвала мужа.

Тот прибежал немедленно, подхватил ее, почти бездыханную, и – унес в комнату.

«Что же это я раньше? – думала Света, пока сознание совсем не оставило ее, – что же это я раньше не позвала его на помощь?»

Костя вызвал скорую, та увезла жену в больницу. И днем, когда он, отпросившись с работы, пришел в поликлинику, его ошеломили сообщением, что его жена в положении и находится на 5-ом(!) месяце беременности. «В ее состоянии, – глубокомысленно сказал ему кто-то в белом халате, кто, он не помнил, – обморок – явление нередкое, однако ей придется пробыть несколько дней в больнице, чтобы укрепить организм».

Когда он поднялся к ней в палату, она слабо вскрикнула и, обняв его, разрыдалась так громко, что медсестра вынуждена была увести Костю на некоторое время.

Единственное, что он смог добиться от нее, – слова: «Это *они!* Они это!»

На следующий день картина еще более запуталась: Света утверждала (естественно, только наедине с мужем), что ее похитили из душа, ставили над ней эксперименты и т.д.

Сначала Костя пытался осторожно намекнуть, что была она в душе не более пяти минут, но затем бросил эту затею и просто успокаивал ее, как мог...

В положенный срок Света родила крепкого мальчишку, как две капли воды похожего на отца.

Они прожили вместе еще 16 лет, после чего Константин умер, видимо, от инфаркта.

Сын – тоже Костя – сейчас пытается поступить в университет, на физико-математический. Мама очень за него переживает.